

Павел Алешин
Неизвестный Лорка

«Впечатления и пейзажи» и другие произведения

Павел Алешин

**Неизвестный Лорка. «Впечатления
и пейзажи» и другие произведения**

«Издательские решения»

Алешин П.

Неизвестный Лорка. «Впечатления и пейзажи» и другие произведения / П. Алешин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930703-3

Внимание читателей предлагаются переводы малоизвестных произведений Федерико Гарсиа Лорки, среди которых — «Впечатления и пейзажи» (1918), неоконченная трагедия о Христе (1917–1918), эссе «Символическая фантазия» (1917), два экспериментальных стихотворения в прозе (1928), «Ода святейшему таинству алтаря» и «Ода и бурлеск о Сезострисе и Сарданапале» (1928–1929), киносценарий короткометражного фильма «Путешествие на луну» (1929) и «Романс о блондине из Альбасете» (1936).

ISBN 978-5-44-930703-3

© Алешин П.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Впечатления и пейзажи	7
Посвящение	7
Пролог	8
Раздумье	9
Авила	11
I	12
II	13
Постоялый двор в Кастилии	14
Ла-Картуха	17
I	18
II	20
Сан-Педро-де-Карденья	24
Монастырь Санто-Доминго-де-лос-Силос	26
I	27
II	29
III	31
IV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Неизвестный Лорка «Впечатления и пейзажи» и другие произведения

Павел Алешин

© Павел Алешин, 2018

ISBN 978-5-4493-0703-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Все озаряющим солнечным светом можно назвать творчество Федерико Гарсиа Лорки. Таким светом был он сам. В круговороте повседневности, в постоянно расширяющемся омуте информации мы часто забываем остановиться, чтобы оглядеться вокруг и заглянуть в себя, забываем о главном. О том, что жизнь – это чудо; о том, что даже в быте скрывается бытие. Все творчество Лорки – свидетельство этого чуда.

Лорка – из тех гениев, кто, всегда оставаясь самим собой, умел быть разным, поэтому каждый читатель при знакомстве сразу найдет для себя что-то близкое среди творений Федерико, чтобы затем полюбить его целиком. Читать Лорку одновременно и легко, и трудно. Он соединил поиски авангарда с традициями народной поэзии, причудливость сюрреалистической образности с гуманизмом. Кому-то понравится детская легкость его ранних стихов, кому-то будут близки печальные голоса испанских народных песен, звучащие в сборнике «Поэма о Канте Хондо», кого-то заколдует будоражащий ритм «Цыганского романсеро», кто-то навсегда окажется во власти безбрежной страстности «Сонетов темной любви» и трагедий поэта, а кто-то удивится поэтической мудрости его лекций. Но тот, кто приложит усилия и постарается почувствовать все разнообразие великого испанца, все великодушные его дара, будет вознагражден: тому откроется целый, огромный и прекрасный мир, «изваянный из стихий: души, тела и растерзанного сердца поэта»¹ – живой, красочный мир Федерико Гарсиа Лорки.

Я постепенно открывал для себя чудотворство Федерико. Первыми меня поразили «Сонеты о темной любви», и это потрясение не проходит до сих пор. По стремительности, обнаженности чувства эти сонеты можно сравнить, пожалуй, лишь с «Комедией» Данте. Сладостную меланхолию вызывает во мне его пьеса «Когда пройдет пять лет», нежную горечь – сборник «Диван Тамарита». Дольше всего я не мог воспринять «Поэта в Нью-Йорке», но со временем понял всю глубину стихов этой книги, написанной *de profundis*, и именно ее понимание помогло мне сделать первый серьезный перевод из Лорки.

Художественный перевод для меня – способ лучше понять, почувствовать понравившегося автора. Я искал, что из творчества испанского поэта можно перевести, но мне не хотелось заново переводить уже переведенные вещи. Сначала я думал, что Лорка весь переведен, но оказалось, что я ошибался. Так и начала складываться эта книга, в которой читатель найдет малоизвестные произведения поэта, среди которых – юношеская книга путевых заметок «Впечатления и пейзажи» (1918), ранняя неоконченная трагедия о Христе, написанная прозой, и ее первоначальный набросок в стихах (1917—1918), эссе «Символическая фантазия» (1917), экспериментальные стихотворения в прозе «Самоубийство в Александрии» и «Усекновение главы Иоанна Крестителя» (1928), «Ода святейшему таинству алтаря» и «Ода и бурлеск о Сезострисе и Сарданапале» (1928—1929), киносценарий короткометражного фильма «Путешествие на луну» (1929) и «Романс о блондине из Альбасете» (1936).

Хочу выразить огромную благодарность моему брату Ивану Алешину – за издание этой книги, моей маме Елене Алешинной – за чудесный портрет Федерико Гарсиа Лорки, украшающий обложку, а также Марии Малинской за консультации при работе над переводом «Впечатлений и пейзажей» и Людмиле Юрьевне Куванкиной за редактирование моего перевода трагедии «Христос».

¹ Федерико Гарсиа Лорка. Стихотворения. Проза. Театр. М., 2014. С.17.

Впечатления и пейзажи

Посвящение

Глубокочитимой памяти моего старого учителя музыки, который подобными виноградным лозам пальцами, столько раз заставлявшими трепетать фортепиано и рисовавшими в воздухе различные ритмы, скользил по своим волосам из сумеречного серебра с видом влюбленного и переживал былые чувства в волшебстве сонаты Бетховена. Он был святым человеком!

Со всем почтением и преклонением.

Автор

Пролог

Друг читатель, если ты прочитаешь эту книгу полностью, вероятно, ты заметишь в ней некоторую неясность и меланхолию. Перед твоим взором пройдут многочисленные вещи, всегда описанные с горечью, изображенные с грустью. Все картины, предстающие на этих страницах, – это рассказ о воспоминаниях, пейзажах, людях. Возможно, реальность не являет в них свою заснеженную голову, но в этих страстных внутренних порывах воображение разливает душевный огонь на окружающую природу, выделяя малые вещи, делая значительным даже некрасивое – так же, как полная луна наполняет поля. Есть в нашей душе что-то, что превосходит все сущее. Большую часть времени это что-то дремлет; но, когда мы вспоминаем или созерцаем с томлением дружелюбную даль, оно просыпается, чтобы объять пейзажи и сделать их частью нашего «я». Поэтому мы все видим по-разному. Наши чувства сложнее, чем души красок и звуков, но почти ни в одном человеке они не просыпаются для того, чтобы расправить огромные крылья и объять чудеса этих душ. Поэзия есть во всем – в безобразном, в прекрасном, в отгалкивающем; трудность в том, чтобы обнаружить ее, пробудить глубинные озера души. Радость для духа – испытать чувство и попытаться объяснить его разными способами, различными и даже противоположными. И – жить на свете так, чтобы, подойдя к двери «одинокого путешествия», мы смогли осушить чашу всех существующих эмоций, добродетели, греха, чистоты, черноты. Нужно воспринимать все, соотнося нашу душу с окружающими вещами, находя духовное там, где его нет, отдавая формам упоение наших чувств, нужно разглядеть на одиноких площадях ходившие по ним древние души, необходимо быть единицей и тысячей, чтобы почувствовать все вещи со всеми их оттенками. Нужно быть религиозным и светским. Объединить мистицизм сурового готического собора с очарованием языческой Греции. Все видеть, все чувствовать. В вечности мы получим награду – мы не будем ведать никаких пределов. Любовь и милосердие ко всему, взаимное уважение приведут нас к идеальному царству. Нужно мечтать. Несчастен тот, кто не мечтает – он никогда не увидит свет... Эта скромная книга в твоих руках, дорогой читатель, наполнена смирением. Ты смеешься, тебе что-то не нравится, ты не читаешь дальше пролога, ты насмехаешься... и все равно ты ничего не теряешь, а книге безразлично... это еще один цветок в бедном саду провинциальной литературы... Ее судьба – несколько дней в витринах и после – в море равнодушия. Если ты ее читаешь, и она тебе нравится, – все равно. Единственно, я почувствую благодарность в душе, такую прекрасную и ценную. И это действительно так. Теперь же следуй за страницами.

Поднимается занавес. Душа книги выходит на суд. Глаза читателя – это два маленьких гения, которые ищут духовные цветы, чтобы подарить их размышлениям. Каждая книга – это сад. Счастлив тот, кто умеет сажать цветы, и блажен тот, кто срезает розы для луга своей души!.. Огни воображения загораются, наполняясь благоухающим бальзамом чувства.

Поднимается занавес.

Раздумье

Есть что-то беспокойное и связанное со смертью в этих молчаливых и забытых городах. Я не знаю, что за звон глубокого колокола обволакивает их печали... Расстояния небольшие, но как они утомляют сердце. В некоторых из них, в Авиле, Саморе, Паленсии, воздух кажется железным, и солнце опускает бесконечную грусть на их тайны и тени. Рука любви закрыла собой их дома, чтобы их не коснулось волнение юности, но юность явилась и будет являться вновь, и мы увидим, как над красноватыми крестами поднимется торжествующий аэроплан.

Бывают души, которые грустят по прошлому... и, находясь среди древних земель, покрытых ржавчиной и древним покоем, они забывают, что созерцают то, что никогда не вернется, а если, в свою очередь, они подумают о будущем, то заплачут от печального, горького разочарования... Люди, что пересекают пустынные улицы, делают это с огромной усталостью из-за того, что окружены красным, гнетущим ритмом... Полями!

Эти поля, огромная симфония высохшей крови, без деревьев, без оттенков свежести, без какого-либо успокоения для разума, наполнены суеверьями, разбитыми кандалами, загадочными селениями, вялыми, печальными людьми, порожденными невероятным народом и жестокими, царственными тенями... Везде тоска, уныние, бедность и жестокость... и вновь поля и поля, совершенно красные, целиком перемешанные с кровью Каина и Авеля... Среди этих полей красные города едва заметны. Города, полные меланхолического очарования, воспоминаний о трагической любви, о жизни королей, вечно ожидавших супругов, которые воевали с крестом на груди; воспоминаний о похоронных шествиях, когда в испуге факелов показывалось разложившееся лицо святого мученика, которого закапывали в землю, пряча его от осквернения маврами; стука копыт могучих коней и мрачных теней виселиц; монашеских чудес; мучающихся от молитв белых призраков, что, едва пробил полночь, выходят из колокольни, разгоняя сов, чтобы просить у живых сострадания к своей душе; голосов жестоких королей и тоскливого зауспокойного плача Инквизиции при тлении тела какого-нибудь астролога-еретика. Всю прошлую Испанию и почти всю настоящую можно вдохнуть в этих царственных и торжественных городах Кастилии... Весь средневековый ужас со всем его невежеством и со всеми его преступлениями... «Здесь» – говорят нам при входе, – «была Инквизиция; там дворец епископа, который председательствовал на аутодафе. И, добавляя, восклицают: «Здесь родилась Тереза. Здесь Хуан де ла Крус»... Города Кастилии полны святости, ужаса и суеверия! Города, разрушенные прогрессом и изуродованные современной цивилизацией... О, как вы величественны в своей старости, можно сказать, существует какая-то огромная душа, Сид из сновидения, поддерживающий ваши камни и помогающий вам противостоять свирепым драконам разрушения... Расплывчатые века прошли по вашим мистическим площадям. Выдающиеся люди дали вам веру, легенды и необыкновенную поэзию; вы стоите, несмотря на препоны времени... Что вам скажут грядущие поколения? Как вас поприветствует величественный рассвет будущего? Вечная смерть укутает вас в мягкое и нежное звучание ваших рек, и цвет старого золота будет всегда целовать вас могучей лаской вашего огненного солнца... Вы нежно утешаете романтические души, подобно вам отвергнутые веком, такие же романтические и такие же уставшие, и они обретают покой и лазурное утешение под вашими рукотворными крышами... и они бродят по вашим переулкам, и вы, города-христиане, указываете им, где молиться... у сломанных крестов в укромных уголках, или около древних византийских статуй святых, холодных и застывших, странно одетых, с голубями в руках, с золотыми ключами, или у почерневших стражей, помещенных в скорбных портиках романских церквей или среди разломанных колоннад... Мертвые города Кастилии, где на всем ощущается дыхание тоски и безмерной печали!

Странствующая душа, что пройдет по вашим стенам, не вглядываясь в них, не знает бесконечного философского величия, которые вы заключаете в себе, и те, кто живут под вашим покровом, почти никогда не понимают гениальных сокровищ утешения и смирения, которые есть у вас. Уставшее сердце, даже наполненное отвращением к старикам и к любви, обретает в вас горькое спокойствие, в котором нуждается, и ваши несравненные, безмятежные ночи смиряют кричащий дух того, кто ищет вас ради отдохновения и раздумья...

Города Кастилии, вы полны такой таинственности и такой искренности, что заставляете душу содрогаться! Города Кастилии, когда созерцаешь вас, таких суровых, хочется напевать что-то из Генделя!

Во время этих сентиментальных прогулок, исполненных благоговения к Испании воинов, душа и чувства наслаждаются всем и кружатся в новых ощущениях, возможных только здесь, чтобы, закончившись, оставить чудесную гамму воспоминаний... Потому что воспоминания о путешествии – это возвращение в путешествие, но уже с большей печалью, с более сильным вниманием к очарованию вещей. Вспоминая, мы обволакиваем себя нежным и грустным светом и поднимаемся в мыслях надо всем. Мы вспоминаем улицы, пропитанные печалью, людей, с которыми говорили, каждое захватившее нас чувство и вздыхаем обо всем: об улицах, о домах, в которых жили... чтобы, вернувшись, прожить то же самое по одному только слову. Но если бы по воле Природы мы могли вернуться, чтобы вновь прожить то же самое, мы не обрели бы того духовного наслаждения, какое обретаем в нашем воображении. Ведь столь сладко воспоминание о золотых сумерках с коралловыми тополями и пастухами со стадами овец, прижавшихся друг к другу на холме, пока птицы разрывали непокорную глубину воздуха. Эти воспоминания, всегда приправленные мятежными и фантастическими образами, оставляют приятную сладость; и если кто-нибудь в пути обидел нас, мы простим его, а к себе отнесем с состраданием из-за того, что тому удалось поселить злость в нашей груди, потому что мы понимаем, – это было лишь мгновение; и, смотря на мир с великодушным сердцем, нельзя не плакать... и мы вспоминаем... Красное поле, солнце, словно обрывок земли... на дорогах – батраков, съездившихся на своих мулах... одинокие золотые деревья, глядящие в медовую воду оросительного канала... возглас... далекий звук молитвы... Кастилию!.. И при мысли обо всем этом душа наполняется свинцовой печалью.

Авила

I

Была холодная ночь, когда я приехал. На небе было немного звезд, и ветер медленно толковал бесконечную мелодию ночи... Нельзя ни говорить, ни громко шагать, чтобы не отпугнуть дух великой Терезы... Все должны чувствовать себя слабыми в этом городе удивительной силы.

Когда идешь по его наполненным воспоминаниями стенам, нужно быть верующим, жить атмосферой, которую вдыхаешь.

Эти одинокие зубцы стен, увенчанные гнездами аистов, – словно реальность детской сказки. Вот-вот ожидаешь услышать фантастический рог и увидеть над городом среди грозовых облаков золотого пегаса с сидящей на его спине плененный принцессой, спасающейся бегством, или группу всадников с копьями и в шлемах с перьями, которые, укрывшись плащами, стерегут стены.

Река, почти безводная, течет среди утесов, купая в свежести чахлые деревья, бросающие тень на полную воспоминаний романскую обитель, реликварий одной белокаменной гробницы со статуей епископа, вечно молящегося, спрятавшегося среди теней. На золотистых холмах, окружающих город, невероятна солнечная безмятежность, и, поскольку на них нет деревьев, которые давали бы тень, свет звучит здесь великолепно красным монотонным аккордом... Авила – это самый кастильский и самый царственный город на всем этом гигантском плоскогорье... Здесь никогда не услышишь громкого звука, лишь ветер вкладывает в его перекрестки яростные модуляции зимних ночей... Его улицы узкие, и большая их часть наполнена снежным холодом. Дома, черные, с проржавевшими гербами, и двери их закреплены каменными сводами и позолоченными гвоздями. В памятниках – необычайная архитектурная простота. Серьезные и массивные колонны, бесхитростные медальоны, молчаливые и сплюснутые двери, капители с изображением грубых голов и целующихся пеликанов. Везде кресты со сломанными руками, и статуи древних рыцарей у стен и в сырых клуатрах. Повсюду тень мертвого величия!.. Кое-где на темных маленьких площадях оживает дух древности, и, оказавшись здесь, погружаешься в XV век. На площади – два или три дома с черепичными крышами, покрытыми желтыми цветами, и с одним большим балконом. Двери закрыты или наполнены тенями, в одной нише стоит безрукий святой, и где-то в глубине порой различим свет полей, который просачивается через робкие перекрестки и через ворота городских стен. В центре сломанный крест на полуразрушенном пьедестале, и какие-то дети в лохмотьях, соответствующие всему вокруг. Все это под сероватым небом и в тишине, в которой вода реки звенит навеки скрестившимися мечами.

II

Кафедральный собор поражает кровотокающей чернотой, его грандиозная глава как будто обуглена и позволяет стекать меду башен, а колокола собора наполняют его идеальной религиозностью... Интерьер храма подавляет из-за тени прошлого, инкрустированной в его стены, и из-за спокойной темноты, призывающей к размышлению о вечном.

Душа верующая и наполненная божественной верой мечтает в этом соборе, возведенном железными королями воинственной эпохи. Душа, видящая величие Иисуса, являющегося в этом сыром полумраке с глазами-свечами, чувствует духовное утешение... Так, в одном углу, внимая волшебнику-органу и слушая тяжелый звон колоколов, можно незаметно размышлять и наслаждаться нежностью, которая есть только в этом месте. Вот где можно преклониться перед Богом, а не среди огней и звуков труб или рядом с расцвеченной статуей, смешно поставленной на возвышения из тряпичных цветов. Этот собор заставляет размышлять, даже если душа, прогуливающаяся по его галереям, лишена света веры... Собор – это размышление о далеком посреди вопрошания к прошлому... Ладан и тающий воск создают мраморный, мистический воздух, дарующий утешение чувствам... В некоторых уголках есть забытые гробницы с разбитыми статуями и картинами – неопределенными пятнами, из которых, как тайна, возникает испуганное лицо или голая нога. Множество больших окон, но они не пропускают свет, узоры их вырисовываются на фоне стены. Серебряные лампы являют свою желтую душу на изображениях святых, и огромное распятие, которое поднимается в центре, придает ноту сакральной белизны пепельно-серому свету апсиды... Старухи с долгими и тяжелыми молитвами Деве Марии вздыхают и, опечаленные, читают их по слогам около чаш со святой водой, а заплаканная женщина молится перед статуей Девы Марии, которая держит серебряное сердце у груди и у ног которой лежат невиданные звери. Слышатся какие-то далекие шаги, и затем наступает такое тревожное одиночество звуков, что сердце наполняется сладкой горечью... Когда выходишь из собора, скульптуры портала залиты вечерним солнцем, осеняющим золотом ажурную резьбу и святых апостолов, что представлены здесь, а чудища, покрытые чешуей и с человеческими лицами, напоминают проходящим мимо о древнем и благородном праве убежища... По улицам, наполненным покоем и золотом сумерек, попадаешь на площадь, где стоит золотистая церковь, которую вечер превращает в огромный топаз. С древней стены можно созерцать одинокие поля, пока длится прелюдия ночи. Вдалеке на холмах горят красные огни, на полях – легкая желтоватая пыльца. Город окрашивается в оранжевый цвет, и все колокола неторопливо и мечтательно поют молитву... Постепенно ночь опускается на землю, стройные сосны качаются в тени, и аисты взлетают со стен и летают над зарослями рогоза... Вскоре луна обратит золото в серебро.

Постоялый двор в Кастилии

Я увидел постоялый двор на золотистом холме рядом с серебряной рекой дороги.

Безграничной романской вере пшеничного цвета этот дом, отягощенный прожитыми годами, придавал ноту меланхолии.

В подобных старых постоялых дворах, в которых еще можно встретить характерный тип людей в плащах и с распущенными волосами, ни на кого никогда не глядящих и вечно запыхавшихся, – вся сила мертвого духа, испанского духа... Постоялый двор, который я увидел, мог бы послужить хорошим фоном для какой-нибудь фигуры Спальоетто.

У входа можно было различить назойливых детей – из тех, что держат всегда в руках кусок хлеба и целиком обсыпаны крошками; каменную скамейку, выкрашенную охрой; петуха, высокомерного султана с переливающимися всеми цветами радуги перьями, окруженного сладострастными курочками, грациозно заигрывающими с ним своими шейками.

Так необъятны были поля, так величественно солнце, что маленький дом терялся во чреве дали... Пока курицы кудахтали, а дети ссорились из-за стеклянного шара, запуская крики в небо, воздух звенел в ушах, словно смычок гигантского контрабаса...

Внутри дом напоминал пещеру... Все стены отдавали какой-то черной желтизной, с жирными пятнами, с дырами, в которых пауки являли свои шелковые звезды.

В одном углу была кладовая с бутылками без пробок, разбитым корытом, латунными банками, искореженными от старости, и двумя бочками, пахнущими невозможным вином.

Оно было словно деревянный шкаф, натертый черным жиром, который стал жилищем для тысяч мух.

Когда дети и ветер замолкали, слышно было только нервное жужжание мух и сопение мула из ближайшей конюшни.

Ощущался запах пота и навоза, наполнявший постоялый двор удушливыми массами.

На крыше веревки, облепленные мухами, обозначали, вероятно, место для виселицы; один сонный парень вульгарно потягивался среди дня, с ужасным окурком в египетских губах; ребенок с русыми волосами, обгоревший на солнце, забавлялся с жужжавшим шмелем; какие-то старики, прикрыв лица огромными шляпами, развалились на полу, как мешки, и храпели; в аду конюшен извозчики звенели колокольчиками, объезжая лошадей, в то время как среди темных пятен хозяйственных глубин чистотой сверкала печь, освещавшая изумленную служанку тусклым свечением лиможской эмали.

Окруженные этой тревожной атмосферой, все спали с тихим спокойствием мух и дуновений ветра.

Старые часы простучали двенадцать с затхлой торжественностью. Угольщик в синей рубашке вошел, почесывая голову, и, шепча невразумительные слова, поприветствовал хозяйку, беременную женщину со взъерошенными волосами и с синяками под глазами...

– Стаканчик-другой?

И он:

– Нет, у меня болит горло.

– Ты из деревни?

– Нет, я пришел от своей сестры, у которой этот новый недуг.

– Если бы она была богатой, – сказала женщина, – доктор уже вылечил бы ее... уже... но нам, беднякам...

И мужчина, с усталым движением, повторил:

– Да, нам беднякам...

И, подойдя друг к другу, они тихими голосами запели вечную песню бедняков.

Затем остальные пробудились под звуки разговора и начали беседовать друг с другом, потому что ничто так не подталкивает к разговору незнакомых людей, как сидение под одной крышей... и все оживились, кроме беременной женщины, у нее были усталые глаза и движения, которые бывают у людей, видящих смерть или предчувствующих ее близость.

Без сомнения, эта женщина была самой интересной фигурой на этом постоялом дворе.

Пришло время есть, и все достали из своих сумок промасленную бумагу и хлеб, темный, словно из кожи. Разложив их на пыльном полу и достав ножи, все начали ежедневное занятие.

Люди брали грубыми руками беднейшие яства, подносили их ко рту с религиозным благоговением и затем вытирали руки о штаны.

Хозяйка разливала сухое вино в грязные стеклянные стаканы, и поскольку множество мух летало над этими сладостными чашами и падало в них парами, от смерти их приходилось спасать узловатым пальцам этой женщины.

Все стало наполняться запахом сала, конюшен и золотистых полей.

В одном углу, среди мешков и досок, парень, который раньше потягивался, поглощал красный суп, который ему подала служанка с улыбкой и с определенными и неприличными намерениями.

От еды и вина путники развеселились, и кто-то, то ли самый счастливый, то ли самый печальный, запел сквозь зубы монотонную песню.

Пробил час, затем полвторого, затем – два. Ничего не менялось.

Снаружи прошли крестьяне, кажущиеся одинаковыми, с вечно прищуренными глазами из-за привычки всю жизнь смотреть в полях на солнце... и прошли мимо женщины, подобные виноградным лозам, с большими глазами и горбатыми телами, которых должны были вылечить в соседнем городе, и прошли также многочисленные торговцы, с кнутами на поясах, очень высокие, и богачи, и кастильские мужчины, рабы по природе, очень худые и сдержанные, еще боящиеся феодальных господ, которым при разговоре всегда отвечают «Сеньор, сеньор!», и люди из других мест, говорящие громко, чтобы привлечь внимание... как вдруг в этой живописной картине появился фокусник в пестрой одежде, переходящий из деревни в деревню, вынимая ленты изо рта и складывая разноцветные розы... И прошло еще два часа, или два с половиной, и ничего не менялось.

Но поскольку за дверью уже начинало темнеть, через нее все вышли, чтобы насладиться ароматным воздухом холмов.

Внутри остались только уснувшие и покрытые мухами два вялых старичка, которые сквозь расстегнутые рубахи демонстрировали седые волосы на груди, словно показывая мертвую отвагу юности.

На улице можно было вдыхать дуновение ветра, звучащего в горах, который принес в своей душе тайну самого приятного из ароматов.

Голые и продуваемые холмы, такие тихие и нежные, приглашали мягкостью сухой травы взобраться на свои плоские вершины.

Массивные белые облака торжественно раскачивались на далеких горных хребтах.

По дороге ехала телега, запряженная волами, которые шли очень медленно, щуря огромные глазища из голубого опала, с нежнейшим сладострастьем пуская слюни, словно они жевали что-то очень вкусное... И еще мимо проехали громоздкие повозки, с кучерами, сидящими на корточках, и прошли грустные ослы, совсем тоскливые, нагруженные хворостом и подгоняемые мальчуганами, и еще мужчины, которых никогда больше не увидишь, но у которых у всех свои жизни, и которые подозрительно смотрят на тех, кто глядит на них неодобрительно... царственное безмолвие звуков и красок...

Прошло три часа, или четыре...

Вечер ускользал, сладостный, изумительный...

Небеса начали сочинять симфонию в минорной тональности сумерек. Оранжевый цвет раскрыл свою королевскую мантию. Меланхолия проросла из далеких сосновых лесов, открывая сердца бесконечной музыке молитвы...

Золото земли ослепляло. Дали грезилы ночью.

Ла-Картуха

I

...сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную...

Послание апостола Павла к Галатам, VI, 8

Дорога, ведущая к монастырю Ла-Картуха, легко скользит среди ив и зарослей дрока, теряясь в сером сердце осеннего вечера. Склоны, выстланные темной зеленью, играют изящную мелодию, угасая на равнине. Над кастильской деревней свинцово-синяя дымка фантастических водянистых испарений окутывает все предметы. Ни одного четкого цвета на тяжелой пластине земли. Вдали – суровые квадратные башни древнего городка, ныне искалеченные, одинокие в своем величии.

Разлитая грусть, наивные горы, мажорный аккорд расплавленного свинца, простые плавные формы, и, у горизонта, неясные вспышки пепельных бликов. По сторонам от дороги массивные деревья со звонкими ветвями размышляют, склонившись перед невыразимой горечью пейзажа. Порой ветер доносит торжественные марши в единой тональности, заглушающей глухие звуки увядших листьев.

По тропинке идет группа женщин в вызывающих алых фланелевых юбках. Стрельчатые ворота, окаймленные пятнами солнечного света, возвышаются над дорогой, как триумфальная арка. Тропа заворачивает, и Ла-Картуха предстает в своих траурных одеждах. Пейзаж показывает всю интенсивность ее страдания, недостатка солнца, страстной бедности.

Город растянулся, почерневший, с полосками тополей, указывающими на его собор – готического монстра, вырезанного гигантским ювелиром над торжеством темно-лилового цвета. Полноводная река кажется высохшей; многочисленные деревья напоминают брызги древнего золота, засеянные поля прямыми линиями образуют нотные станы, теряясь в сырых оттенках горизонта. Этот аскетичный, безмолвный пейзаж чарует мучительной религиозностью. Рука Бога наполнила его только меланхолией. Все выражает своими формами невероятную горечь и отчаяние. Видение Бога в этом пейзаже внушает безграничный ужас. Все здесь застигнуто врасплох, испуганно, сплюснуто. Тревожная душа города проявляется в говоре жителей, в их походке, медленной и тяжелой, в их страхе перед дьяволом, в их суевериях. Все дороги оберегают ржавые кресты; в церквях, в запыленных нишах, стоят статуи Христа, украшенные бусами, засаленными подношениями и отрезанными косами, подпаленными временем, и перед ними молятся крестьяне с трагической верой страха. Тревожный пейзаж душ и полей!

В центре всего этого величия монастырь Ла-Картуха возвышается как носитель всеобщей тоски. Перед ним на широкой, но небольшой площади крест с пузатым Христом задает ноту сурового уединения. Ла-Картуха – это большой мрачный дом, умощенный холодом окружающего пространства. Тело церкви, коронованное простыми шпильями и крестом, возвышается надо всеми остальными зданиями, выполненными из камня без каких-либо украшений. Три приплюснутые арки образуют в большом выбеленном портале вход. Нужно звонить.

Дверь отворяется, и появляется освещенный светом картезианец в белом шерстяном облачении, бледный, как мрамор, с огромной бородой, закрывающей грудь. Тихонько скрипит дверь, и, пройдя через нее, мы попадаем во внутренний двор. Свет нежный и слабый.

В центре, среди кустов роз и плюща, возвышается белая скульптура Святого Бруно, полная сентиментального величия. Слева – портал церкви, с твердыми линиями, самый строгий, в тимпане которого изображена сцена Распятия, полная первобытного страдания. По углам следы зеленой сырости, парящей в холодном воздухе. Монах впустил нас в церковь, перед нами – белоснежные гробницы королей и принцев, божественная панорама средневековых

событий. В глубине церкви пышное ретабло воспроизводит фигуры богато одетых святых, которых превосходит по размерам внушающее страх изображение Христа, высеченное Силоэ, с впалым животом, с позвонками, разрывающими кожу, с надорвавшимися руками, с волосами, уложенными несколькими прядями, с глазами, утопленными в смерти, с обессиленно свисающей головой. По сторонам от него евангелисты и апостолы, сильные и невозмутимые, сцены Страстей, исполненные мертвой неподвижности, и Бог-Отец, поддерживающий крест, с видом гордым и гневным, и какой-то юноша крепкого телосложения с лицом слабоумного.

Над головой Христа белый пеликан, и, созерцая ансамбль, можно разглядеть хоры ангелов, медальоны, королевские гербы, прекрасные стрельчатые кружева, и всю фауну святых и неизвестных животных. От ретабло остается одно единственное впечатление – мучения Христа. Все остальное сделано божественно, но не говорит зрителю ничего. Фигура Исккупителя предстает исполненная трагического мистицизма изображенного мгновения, но не находит отзвука в мире скульптур, ее окружающих. Все это очень далеко от страсти и любви, только Он переполнен страстной чувственностью, милосердием и душевной мукой на фоне равнодушия и гордости остальных. Великолепное ретабло, очень выразительное! У подножия его – грандиозная гробница кастильских королей, Хуана I и его жены, словно пламя из белого мрамора. Статуи, лежащие на гробнице, не обездвижены смертью. Художник сумел вдохнуть в их лица и позы точное, изумительное подобие королевской усталости и пренебрежения. Их руки прозрачны и теплы, они облачены в дорогие мантии, покрытые драгоценными камнями и украшенные изысканными цветочными узорами. В их пальцах – четки с большими бусинами, вьющиеся по складкам мантии, волнообразно спадающими, чтобы умереть у них в ногах. Их лица повернуты в разные стороны, будто они не желают смотреть друг на друга, уста их выражают презрение.

Вокруг живет вся христианская доктрина, выполненная из камня: добродетели, апостолы, пороки. Некоторые алебастровые фигуры вычерчивают в потемках свои аристократические профили; здесь есть изящные молящиеся монахи, странные люди с открытыми книгами, задумчивые мыслители с чувственными губами, обезьяны среди виноградных листьев, львы на шарах, спящие собаки, ленты с фруктами, апельсинами, грушами, яблоками, гроздьями винограда. Целый фантастический и загадочный мир, окружающий мертвую королевскую чету. Рядом возвышается другая великолепная гробница, гробница инфанта дона Альфонсо, с легким ритмом, исполненная траурной строгости.... Свет немного приглушается. Напротив алтарей дрожат огни. Чувствуется запах странной сырости и ладана.

Один монах с бритым лицом и сверкающими глазами появляется в хоре, наклоняется несколько раз и, открыв молитвенник, погружается в чтение. Монах, который меня сопровождает, обращает мое внимание на изысканный узор прекрасной каменной кладки. Шум от шагов распространяется концентрическими волнами в воздухе, наполняя церковь звуком... У больших окон порхают голуби.

II Затворничество

Когда я осмотрел церковь, почтенный монах повел меня посмотреть на изображение Святого Бруно в убогом алтаре одной скрытой капеллы. «Это Святой Бруно работы Перейры», – объявил он мне... и рассказал несколько историй, связанных с этим образом. Несомненно, скульптура сделана хорошо, но как мало в ней выразительности! Какая поза вечной театральности! Святой тишины и мира равнодушно смотрит на распятие, которое держит в руках, как смотрел бы на любой другой предмет. Ни духовного страдания, ни борьбы с плотью, ни небесного безумия нет в жестах святого. Это просто человек... любой человек, доживший до 40 лет, имеет такую же печать обыденного страдания на лице... Мы, испанцы, с трудом терпим вид некоторых скульптур, перед которыми специалисты приходят в восторг, ни поза, ни выражение лиц которых не передают эмоций. Это модели, великолепно выполненные и порой великолепно раскрашенные... но как далек дух любого персонажа от его портрета.

Святые герои стародавних историй, романтики, страдавшие из-за любви к Богу и к людям, не обрели художественного воплощения. Достаточно пройти по залам музея Вальядолида! Кошмар! Правда, есть несколько удач, очень мало... но остальные...

Глубокую скорбь причиняет созерцание страшной посредственности скульптур. Это искусство слишком земное. Но ведь герои этой скульптуры достигли высших ступеней духовности... Ни одно изображение не соответствует изображаемому.

Скульптура может быть холодным искусством, неблагодарным к своему творцу. Источник страсти скульптора разбился вдребезги перед камнем, из которого он высекал... Он хотел придать статуям жизнь – ему удалось, он хотел придать им чувство и душу, и ему удалось и это... но он не смог открыть с их помощью священную и нежную книгу, в которой остальные люди могли бы прочитать эмоции, способные поднять их в одинокий сад мечтаний... Эти статуи воспроизводят... но никогда не смогут передать суть...

Этот святой, неотесанный, как какой-то мужлан, и крепкий, как кастильский крестьянин, показался мне изображением бедного, старого послушника, из тех, что разносят бобовый суп по вечерам и вечно окружены буйной толпой бедняков, состарившихся от голода. Неудачен замысел Перейры, вообразившего Бруно, безумного в своем спокойном и мучительном мистицизме, самым обычным человеком, который только что поел и решил отдохнуть... Фантазия Перейры скучна – как почти у всех скульпторов, чьи работы выставлены в Вальядолиде, создававших идеальные фигуры, почти невероятные, изображения силачей, идиотов и балбесов...

«Ах!» – воскликнут многие, – «какая глупость! Эти скульптуры великолепны! Что за чудо эти ладони! Посмотрите же, как анатомически верно все передано!» Да, да, сеньор, но единственное, что меня убеждает, – это внутренняя сущность вещей, иначе говоря, душа, инкрустированная в них, и тогда, когда мы их созерцаем, наши души должны слиться воедино. И это бесконечное слияние превращает эстетическое чувство в радостную печаль, охватывающую нас перед лицом красоты... Перед этой статуей святого Бруно, которую так превозносят ученые и неученые люди, я ничего не испытал, разве что, картезианское безразличие. Возможно, автор не хотел сделать бесчувственную статую, но мне она показалась именно такой. Этот холодный, безжизненный взгляд перед горечью крестной муки заключает в себе тайну Ла-Картухи. Так мне кажется.

«...И из-за обстоятельств, о которых не время говорить, он стал затворником...». Меня сопровождал бородатый, строгий, но добродушный монах.

Мы вышли из церкви... Вечер уже хотел пропеть последние модуляции в золотом, розовом и сером. Атмосфера была ясная, как спокойная вода лесов. Свет был нежный, как тоска по рассвету. Слова были спокойны, как вечерние молитвы...

Отворилась плоская дверь, и мы вошли в священное пространство монастыря. В интерьерах монастыря Картуха-де-Мирафлорес нет никакой роскоши. В коридоре полыхала невзрачными красками жуткая коллекция картин со сценами мученичества. Монах, изображенный на одном портрете, призывал к молчанию, поднимая палец к губам... коридор терялся в молочном сиянии.

Далее начинался другой коридор с множеством дверей, разверстых в белизне стен, и с деревянным крестом, покрашенным в черный цвет... Чувствовалась в этих помещениях смиренная торжественность, тоскливая суровость и тревожное молчание. Все поневоле безмолвно. Хотя над этими крышами – небо, голубки, цветы, и над этими крышами – грозы, и дожди, и снега... но сила духовных истязаний накладывает печать ужасающей неподвижности на бедные, белые клуатры. Ничего не было слышно... наши шаги были оскорблением, будившим далекое эхо.

Время от времени, когда мы останавливались, свинец спокойствия страстно растекался в воздухе... Когда мы проходили мимо некоторых затемненных комнат, пахло айвой. Пахло страданиями и страстями, почти заглушенными. Дьявол плетет козни среди одиночества. Тишина Ла-Картухи мучительна. Эти люди оставили жизнь в мире, убегая от грехов, от страстей. Они захотели скрыть в этом ковчеге древней поэзии горечь сердца. Они думали, что обретут здесь душевное спокойствие, что смогут предать забвению желания и разочарования; но этого не случилось... Разумеется, тут их страсти вновь расцвели с еще большей силой.

Одиночество – это великая кузница духа. Человек дрожащий и сбитый с ног жизнью, пришедший в Ла-Картуху, не найдет здесь утешения.

Мы – несчастные люди, мы хотим управлять нашими телами и подчинять вещи нашим телам, ни во что не ставя душу. Эти люди похоронили здесь тела, но не души. Душа находится там, где желает. Все наши усилия напрасны, нам не вырвать ее из того места, в которое она вцепилась. К тому же... разве мы не знаем, чего хочет наша душа?

Какой мучительной тоской веет от этих похоронивших себя людей, передвигающихся, подобно куклам в театре пыток! Какие взрывы смеха и плач может подарить сердце! Нашим душам даны изумительные страсти, и они не могут избавиться от них. Плачут глаза, молятся уста, скрещиваются руки, но это все бесполезно; душа остается полна страстей, и эти люди, добрые, несчастные, ищущие Бога в этих пустынях страдания, должны понять, что напрасны муки плоти, когда душа просит другого.

Картезианцы – пример удовлетворенного малодушия. Они жаждут жить рядом с Богом, отгородившись от всего мира... но я спрашиваю, что за Бога они ищут? Это, безусловно, не Иисус... Нет, нет... Если бы эти люди, не выдержавшие ударов судьбы, грезили об учении Христа, то они пошли бы не стезей покаяния, но стезей милосердия. Покаяние бесполезно, оно эгоистично и исполнено равнодушия. Молитвой ничего не достигнуть, как и умерщвлением плоти. В молитве мы просим о том, что нам не может быть дано. Мы видим или хотим увидеть далекую звезду, но она затемняет то, что рядом, то, что нас окружает. Единственная стезя – это милосердие, любовь к ближнему.

Любые страдания может перенести душа, как раскаиваясь, так и сострадая; эти люди, которые называют себя христианами, не должны убегать от мира, как они это делают, но должны войти в него, помогая остальным в их несчастьях, утешая их, чтобы самим утешиться, уча добру и распространяя мир. Так их беззаветные души действительно уподобились бы Христу из Евангелия. Ла-Картуха – это настоящее антихристианство. Любовь, которую Бог подарил нам и которую картезианцы нам проповедуют, отсутствует здесь, и сами они

не любят друг друга. Они говорят друг с другом только по воскресеньям, недолго, и находятся вместе только во время молитв и трапезы. Они не братья. Они живут поодиночке.

И все ради того, чтобы не грешить... чтобы не говорить! Как будто во время сокровенных размышлений они не грешат! Они хотят, как говорили раньше, иметь незапятнанные тела, но душа... а душа может быть с любой грязью! Эти несчастные, которым все должны сочувствовать, думают обмануть себя и собственные чувства мукой плоти. Кто может с уверенностью сказать, что ни один из них не испытывает желаний, не любит далеких женщин, из-за которых пришел сюда? Не ненавидит и не отчаивается? Они будут держать перед собой Распятие, как Святой Бруно Перейры, будут плакать, призывая небесные сущности, но при этом их души будут любить, желать, ненавидеть... и плоть их тоже вырвется на волю... и ночами многие из этих мужчин, те, что еще молоды и полны жизни, будут созерцать в постели видения женщин, которых они любили, людей, которых презирали, и будут любить и презирать, и захотят закрыть глаза, но не закроют, потому что мы, люди, не можем направить наши души к озеру, где нет страданий и есть покой, к которому мы стремимся. Эти люди, поражающие своей решимостью, убегают от шума мира, веря, что в нем таятся грехи, и уходят в другое место, столь же благоприятное для размышлений, как и для греха. Они уходят в сад, годный как для добра, так и для зла, и испытывают великую страсть, они, бегущие от нее. Великую страсть тишины.

Здесь умирают, испив чашу духовной страсти, так и не сделав ничего доброго... Доброго для себя? Думаю, что нет, если бы они излили слезы среди несчастных, то унесли бы в другой мир благочестивый куст с белыми розами воспоминаний, в то время как тут они умирают, не испробовав духовного чуда совершенного добра. К тому же, они находятся здесь, уже не понимая зачем. Бог посылает нам страдания? Что ж, будем страдать, нам не остается ничего другого.

Но иногда мне кажется, что вы – гениальные противники того Бога, убегающие от мира, который Он создал, чтобы искать другого Бога покоя и тишины... но у вас не получится найти его, потому что бесчеловечная жестокость христовых мук сопровождает наше сердце, живет с нами до самой нашей смерти...

Какая всепоглощающая тишина! Все именно так видят картезианскую тишину – мир и спокойствие. Я увидел лишь беспокойство, смятение, невероятную страсть, которая пульсирует, как огромное сердце, в этих клуатрах. Душа хочет любви, безумной любви, и желания другой души, которая сольется с нашей... хочет кричать, плакать, взывать к тем несчастным, что размышляют в кельях, чтобы сказать им, что есть солнце, луна, женщины, музыка; воззвать к ним, чтобы они проснулись и сделали что-то хорошее для собственной души, находящейся в сумерках молитвы, и спеть им что-то более жизнерадостное и приятное... но тишина борочет страстную григорианскую песню.

Проходя по залу, холодному и суровому, видишь Деву Марию с ее небесным покровом, вышитым звездами, с веселым мальчиком, держащим в руках высокую императорскую корону... это напоминает о весне... религиозная радость среди этой картезианской печали. Никого не было видно в залах, с нами говорила лишь сырость и странные запахи воска, доносившиеся из тенистого сада.

И еще тишина, тишина, и великая чувственность... Самый страшный кошмар этих людей, прячущихся от западни плоти и укрывающихся в тишине и одиночестве, которые являются великими афродизиаками!

Мы шли по столовой, исполненной благородного достоинства, где была кафедра для чтения внушительных речей о мученичестве и о милосердных делах... с белыми вазами, скромными столами, кажущимися воплощением добродетели... Алые занавески пропускали свет, наполняющий зал печальнейшим красноватым оттенком... еще пустые коридоры, и вот – главный внутренний двор Ла-Картухи.

Есть в этом дворе уголок с кипарисами, полный страха и тайны, где похоронены монахи. В центре возвышается крест, покрытый ржавчиной цвета старинного золота. Огромная синяя тень заполняет меланхолию пространства.

Есть увядшие кусты роз, стены романтично увиты жимолостью. Есть плакучие ивы, с ветвями элегантными и траурными. На земле разные посаженные растения, грушевые деревья и яблони....

В центре большой фонтан робко напевает мелодию воды... водоросли на нем облизывают камни... на разбитом и почти стертом лице маскарона улыбка...

В глубине, рядом с кладбищем – торжество плюща. Опускался вечер, отягченный нежным, задушевым светом... Мы вернулись назад и вышли во внешний двор Ла-Картухи. Все купалось в чудесном розовом цвете. Покой природы.

Колокол пропел *Angelus* тяжелым, гармоничным голосом... Монах встал на колени, скрестил руки и поцеловал землю... На крыше в каморке ворковали голуби...

Это был час, в который души тянутся к вечности... Ветер говорил среди ветвей и наполнял плещ дробью источника... Когда мы вышли, дали повсюду рассеяли бесконечную серость.

Сан-Педро-де-Карденья

В воздухе, наполненном весенней свежестью, слышится кастильская речь. В ароматных пшеничных стогах блестят пауки, и на туманные дали солнце опускает мутные красные кристаллы... Деревья грезят о море, и по всей одинокой, безграничной равнине солнечный свет разливает редкие эмалевые оттенки... В окрестных селениях царит атмосфера полного спокойствия; шелковые поля полнятся белокурым ладаном и размеренным звоном, словно во время церковной службы... пока фонтан вечно целует оросительный канал, который его поглощает... Под нежными тенями вязов и ореховых деревьев веселые дети в лохмотьях кричат, пугая куриц... молчаливые башни с дикими садами на крышах; запертые дома со всей грустью бедности... и песня парня, возвращающегося с пшеничного поля...

В водоеме, похожем на блок зеленого мрамора, купаются девушки, растрепанные, как морские медузы, среди смеха, болтовни и сплетен...

Благородное единство кастильских земель проявляется в их общем и торжественном облике. Все в них имеет картезианскую суровость, тоску однообразия, беспокойство неясности, истинную религиозность, торжественность тоски, нежность простоты, сглаженность безмерности.

Далеким горным цепям смотрят как фиолетовая кайма, деревья золотятся в свете вечернего солнца, и на горизонте мягкие и темные цвета являют величественные гаммы, покрывая бархатным переливом нежные, меланхоличные холмы...

Жнецы косами несут смерть колосьям, среди которых маки раскрывают древнюю ткань лепестков.

Из свинцовых глубин начинает звучать алый цвет облаков; ветер прекращается, и под бесконечными таинственными переливами красок кастильский вечер поет свою вечную, уставшую песню...

Звенят повозки на дорогах, сверчки-музыканты натягивают в воздухе веревки из своих криков, кажется, что луговые травы и не имеющие названия цветы сломали сундучки ароматов, чтобы приласкать мягкую темноту...; кажется, что из глубинного и непонятного божественного диалога прорастает объяснение вечности...

В водах отражаются деревья среди печали идеальной осени... и среди тенистых низин, уже охваченных мраком, слышно, как танцуют овцы в монотонности неторопливого звона колокольчика.

Все ритмическое величие пейзажа заключено в его красноватой желтизне, которая запрещает говорить какому-либо другому цвету... Сухие травы, которые ковром застилают землю, смиряются, и среди ореховых деревьев и вязов суровая башня, с пустыми окнами, показывает утомленную временем голову.

Солнце роняет блики зеленых вод на поле, где когда-то разговаривали донья Соль и донья Эльвира.

Ощущая историю камней, тишина опускает на них глубину, встревоженную лишь взмахами голубиных крыльев.

Монастырь, который уже облюбовали ласточки и плющ, открывает глаза, пустые от безутешной грусти, и, медленно разрушаясь, позволяет плющу и цветущей бузине опутывать его.

Блестящие аккорды вечернего солнца окутывают вязы и кедры желтым цветом, в то время как густая зелень постепенно уходит в бронзу.

Когдаходишьвнутримонастыря,ройжирныхмухподнимаетмелодичноежужжание,иптицыулетают,безрассудные,сажаясьназатененные,мрачныеотсумеректополя.

Вбольшоматриумемонастырявозвышаютсяогромныекамни,словногробницы,огороженныекрапивойифиолетовымичветами.

Соднойсторонызданияестьнебольшоескрыльцососмещеннымиступенями,башняспочерневшимигербами,инадней–священнаязагадочностьаистовсихдлинныминогамиипрозоватымиклювами.

Ихогромныегнездасплетаютсявспутанныеклубкинашпилях.

Колоссальныйзамыселмонастыряхотелбыговоритьвсолнечномтаинстве,ногребнииперемычкистенужеукрылисьвбеспросветнойглубине.

ФигуравлюбленнойХимены,которуюописываетзамечательнаялегенда,кажется,всеещеждеттого,комуболеелюбавойна,чемеесердце,ибудетожидатьвсегда,какДонКихотысвоихДульсиной,незамечаяпугающейреальности.

Всяисторияэтоймогучейлюбвирассказанаобэтихземлях;всепечалиженыСидапрошлипоним...все словаееласковыхипылкихпризнанийслышатсявэтихокрестностях,нынемертвых...

*О, граф, король моей души и этой всей земли,
Зачем уходил от меня? Что ищешь ты вдали?*

Ногерой,преждевсего,долженбытьгероем,и,оттолкнувотсебянежность,оннаправилсясвоинаминапоискисмерти...иженщина,страдающаяиплаканная,ходиласредиэтихивиореховыхдеревьев,дотехпор,покакакой-нибудьмонахсгладкойбелойбородойипоснящейсялысинойнеподходилкней,чтобыотвестиеевпокои,гдеонапочтинеспаланочами,дожидаясьпетушиногокрика...Гдеонамечталаосупруге,любяегозавеличиеисилу,новсенапрасно,илишьнесколькочасоввсвоейжизнионанаслаждаласьеголаской...

ОбраздоньиХимены–этосамаяженственнаяипокорнаянога,котораяестьвромансеро...ОнапочтииспаряетсярядомсгеройствомиконтрастамиеемужаРодриго,ноимеетнежноеочарованиелюбви.

Хименачувствовалаогромнуюлюбовь,котораясохраниласьвромансах.Любовьспокойную,наполненнуютрепетнымчувством,которуюонадолжнабылаприглушитьиз-запризракадолга...Внутримонастырярядомсфонтаноммучениковвозникаетклуатрроманскойэпохи,полныйобломковипыли...Далееогромнаяцерковь,поруганная,игробницаСидаиегожены,статуи,испорченныезеленымипятнамисырости,лежатразбитыеибездуши...Всеостальныеруиныссеребряныминитямислизняков,скрапивой,дикой,разросшейся,иптысячамилистьевсредилежащихкамней...покрытыхгорькойиптихойпеленойсырости...

Аистынеподвижныистольстроги,чтокажутсяукрашениямишпилей.

Запахполейипстарины.Втеняхослабевающеговечерамонастырь,обласканныйореховымидеревьями,нагруженнымиплодами,полонвопросамииещебольше–воспоминаниями.

Когдамывышлиизегоглубины,всесветлыебликисолнца,ужемертвого,рассеялисьнагладкойземле...Равнинаиздревнегозолотабылаетуенчанакраснымнимбом,стенымонастыряотливалиокислившимсясеребром,инебесаполнилисьсинейпрохладойрастущейлуны...Надоемэтимстоялокакое-тонапряжение,звучавшеежелезнымиголосаминадполями,оченьвысокими,фантастическими,кровотокающими,напряжение,котороесихпомощьюстановилосьароматом,плачемвечернейпесниШумана,мучительноразливавшейсявмоейдуше.

Монастырь Санто-Доминго-де-лос-Силос

I Путешествие

Нужно было выехать из Бургоса на этих отвратительных неудобных автомобилях, которые едут, мучительно задыхаясь, с огромной грудой чемоданов и сумок. Впереди машины раскрывался угол шоссе, терявшейся за вереницей стройных и шумных тополей.

Был ясный августовский день, и солнце подчеркивало красную гамму пейзажа... В тени зарослей дрока почва была розового оттенка, небо над деревьями и разбитой дорогой сияло всей гаммой синего цвета, в пугающих утробах холмов кричал кроваво-красный цвет, а над неясными далями – раскаты свинца и солнца. Порой равнина хотела стать единственным воплощением пейзажа, но тут же рождались мягкие хребты холмов.

Среди мертвого отчаяния красного цвета возвышались древние кресты, почти разрушившиеся, окруженные деревьями и травой... Мелькали селения, немного грустные, немые, исполненные страстной горечи, с их церквями, подобными каменным блокам, с могучими башнями, с молчаливыми апсидами... Неприятный автомобиль ехал, задыхаясь, оскорбляя гудком серьезность пейзажа, погружавшего нас в неясные тени и в полноту света.

Мы проехали чудесный ренессансный дворец, пригвожденный к этим одиночествам тенью огромных деревьев, с выступающими балконами, с роскошными оконными решетками... теперь одинокий, закрытый, он осеняет гордым величием жасмины, растущие в саду... Тут же пустила корни народная легенда... «Это», – сказали мне, – «была обитель благородной дамы, в которую был влюблен Филипп II». Башни дворца терялись среди ветвей. Шоссе тянулось дальше молчаливой полосой, полной ослепительной ясности... Среди башен, идущих торжественным маршем вдоль нее, нас особенно тронула одна большая военная башня, из серого камня, одинокая, стоящая у входа в маленькое селение, как будто из любовных романсов, немного прогнувшаяся под сладостной тяжестью пышного покрова плюща. Высокие тополя придавали шоссе траурный вид.

Наконец, мы вышли из автомобиля, который уехал, теряясь в даях и страшно гудя. Остались мы, путешественники, в самом сердце Кастилии, окруженные суровыми горами, посреди подавляющего, грандиозного пейзажа. Над землей веяло покоем...

Чтобы добраться до Силоса, мы сели в омнибус, расшатанный и убогий, его тянули три потертые, израненные клячи, вокруг ран которых роились мухи. Пассажиры были люди самые обыкновенные, они хотели поскорей сесть на места и больше их не покидать и не замечали чудесной торжественности далей. Женщины с детьми на руках, небритый приходской священник в зеленоватой сутане, юноша в очках, с видом семинариста, и бедные скототорговцы. Они не говорили ничего интересного. Одни спали, другие обсуждали какие-то глупости... Извозчик погонял животных гармоничным мужественным голосом. Его лицо было полно надменности и властности. Белые облака пыли окутывали экипаж. Порой он быстро скользил по склонам, среди серых когтей грязного тимьяна, при вялом, ритмичном, усыпляющем постукивании колес...

Внутри омнибуса все молчали. Это было одно из тех мгновений общей задумчивости, которые случаются в путешествиях, когда грезы обхватывают всех медоточивыми и невидимыми цепями, разливая бальзам на сердце, заставляя жмурить глаза от телесной истомы и причудливо покачивать головами... Кто-нибудь вдруг произносил слово и тут же замолкал; томная и усыпляющая атмосфера заставляла молчать. Священник блаженно храпел с приоткрытым ртом, его живот ритмично вздымался, юноша в очках женственно вздыхал, как монашка, кто-то встряхивался, и женщина с кротким взглядом дала расцвести белой груди в полумраке одежды, огромной, трепетно-царственной, чтобы покормить коренастую светловолосую девочку, в розовый ротик которой она вложила темный сосок.

Извозчик начал громко петь. Я весь задрожал. Я хотел бы найти среди этой серьезности цвета и света кого-то, кто мог бы голосом пропеть эту благородную кастильскую песню, сколько в этой песне силы и ясности!.. но я пребывал в ужасе. Вместо мелодии, почти григорианской по протяжности и искренности (отенок, который имеют многие песни этих земель), я услышал ужасающий куплет скверного мадридского лихачества. Извозчик выкрикивал ноты так, что это было невозможно вынести. Все мои мечтания рассыпались... С горечью я думал лишь об отвратительном и преступном творчестве некоторых испанских музыкантиков... Сочиняйте мелодии; но ради Господа и Матери Божьей! только не сочиняйте хабанеры с грубой и непристойной душой!.. Колокольчики животных зазвучали крещендо и милосердно заглушили песню... Горы возникали золотыми плавными линиями, являя чешуйчатые хребты с округлыми камнями и темными зарослями тимьяна.

Омнибус остановился в тихой деревушке. Вокруг стояли дома с огромными дымоходами.

На площади было несколько домов, просевших в землю, с восхитительными и самобытными гербами, покрытыми черной краской. На одном из них был изображен горн, видный среди глубокого мрака пещеры, огромный гранат зажженного угля, и рабочий с застывшим пронзительным взглядом. Какие-то дети играли с собакой на солнцепеке. В тени бегали запыхавшиеся курицы. Мои товарищи по путешествию пробудились, заголосили и стали возмущаться, почему мы не едем дальше. Одна из кляч, старая и изможденная, выражавшая всем своим видом необыкновенное страдание, смиренно качала головой, закрывая гноящиеся от дорожной пыли глаза, пытаясь вдохнуть чистый воздух. Бедное животное, милое и трудолюбивое, что ходит по этим дорогам и жестокой зимой и великолепным летом! Кто поверит, что ты благороднее и достойнее, чем эти визжащие эгоистичные людишки? Бедная жертва нашего Господа, осужденная вечно возить людей, которые даже не смотрят на тебя! Кто поверит, что ты лучше, святее и более достойна восхищения, чем многие люди? Бедная, гниющая, покорная жертва ритуала насилия! О, насколько больше в тебе изящества и добропорядочности, чем в этих торговцах, сидящих рядом со мной! И кроткое, доброе животное безнадежно задвигалось всем телом, вспугнув мух, которые засели в глубоких ранах на его боках...

Мы снова спешно поехали по шоссе, и пейзаж стал приобретать суровые оттенки дикого величия. Были видны горы, могучие в своей простоте и величественности, грубые скалы, и участки земли с красными всходами.

Путь змеился по горе, делая быстрые изгибы. Еще одно мгновение сокровенного раздумья охватило пассажиров. О, эти мгновения, когда пейзаж очерчивается одним цветом. Молчаливые мгновения солнечной монотонности. Беспокойные мгновения, лишённые беспокойства... Омнибус легко съехал с горы по змеевидному склону, и в глубине небольшой и красивой равнины стали различаться красные крыши села, расположенного возле хрустальной реки.

II Коваррубиас

Омнибус въехал на улицу, привлекая взгляды людей. Он проехал мимо креста византийской формы, великолепного и одинокого, через приземистую горделивую триумфальную арку, служащую въездом в город. Арка – роскошная и аристократичная, эпохи Возрождения. На ней были чеканные решетки, украшенные рогами изобилия, листьями и щитами. Затем экипаж остановился у стрельчатой двери, над которой висел маленький щиток. Это постоянный двор. Его хозяин – местный врач. Это был странный человек, с глазами навывкате, с волосами, сплетенными, как любят в Малаге, очень деликатный. Он вышел из двери, окруженный кучей своих ребятишек, и любезно нас поприветствовал. . . На столе я увидел несколько книг Переса-Суньиги и Маркины, любимых писателей этого доброго господина.

В этом селе есть чудные старые уголки. Главная улица, тесная, темная, с дряхлыми домами, расшатанными и пузатыми, и даже на самых скромных – гербы. Земля вымощена грубыми булыжниками. В дверях домов стояли отчаявшиеся женщины, с ввалившимися глазами, с желтой морщинистой кожей. Встречались мужчины, медленно идущие куда-то, с почерневшими лицами, с узкими плечами. У одного крыльца с колоннами какие-то люди, полные бессознательной тоски от такой усыпляющей атмосферы прислонились к стенам. И сердце наполнялось жаждой при виде свежего и румяного женского лица. Мимо прошли девушки в вышедших из моды пышных кружевных юбках, чересчур подчеркивающих бедра, но на их молодых лицах была горькая печать трагической скуки забытого села.

Главная площадь отмечена гармонией воинственной легенды. В глубине возвышается дворец графа Фернана Гонсалеса, с огромными стрельчатыми воротами, с рыцарскими балконами. Зелень, влюбленная в старину, окаймляет тесьмой покинутый, разрушенный дворец. Только справа выступают колонны закопченной колоннады.

У выхода из города стоит усеченная пирамида, большая башня грязно-серебряного цвета, на которую дожди нанесли растущеванные золотые, гранатовые и топазовые разводы. . . Это башня доньи Урраки. Внутри нет ничего особенного, кроме эха народной легенды, которую заключают в себе все эти реликвии древности. Легенда незавершенная, или же мне ее рассказали не до конца. Единственное, что мне сказали, указывая на башню: «Здесь была заключена принцесса донья Уррака по приказу ее отца» . . . «Но за что?» . . . Мой проводник не смог ответить.

В этом есть что-то от детских сказок. Средневековая принцесса, заточенная отцом. Может быть, из-за любви? Этого не знал сопровождающий, но хорошо, если так. Теперь в этой невероятно романтической башне живут голуби. В сломанных бойницах, на кровле – гнезда голубей, окружающих башню вечными взмахами крыльев. Чайные розы хотят заключить крепость в свои объятия.

Чуть вдалеке возвышается приплюснутая колокольня, нависающая над церковью. У церкви, вечные стрельчатые формы, характерные для этих земель, сильные линии, целующиеся в розетке, арки, немного приплюснутые, и, конечно, большие окна. Стены отдают сыростью, надгробные памятники представляют собой изваяния суровых рыцарей в доспехах, на них – картуши с надписями, статуи ангелов. Под главным алтарем расположены надгробия дочерей Фернана Гонсалеса, охраняемые ангелами. В одной капелле, рядом с абсурдной вереницей пышных романских, византийских и готических скульптур, стоящих как попало на трухлявой доске, – алтарь покровителей города, святых мучеников Космы и Дамиана. Это две куклы с глупыми лицами, одетые в бесцветные ткани, с жесткими и плотными волосами, с огромными пыльными шляпами. Они были окружены приношениями, и между ними спокойно плакал свет. Приходской священник сказал, что это любимые образы местных жите-

лей, на которые они направили свой религиозный энтузиазм... Какая-то сумеречная горечь охватила меня. Вся вера городка была заключена в этих плохо сделанных куклах, игрушках сына великана... То есть, взгляды всего этого несчастного населения направлены лишь на эту воплощенную нелепость... В других капеллах тоже святые, запыленные, в плачевном состоянии. А дальше – большое фламандское ретабло с поклонением волхвов. Дева Мария, полная чистой грации и музыкального движения, держит на коленях младенца Христа, а Тот тянется за благочестивым даром чернокожего короля, держащего в благородных руках золотую чашу. Остальные персонажи словно поодаль от них. Все созерцают. Разговаривают взглядами только нежная Мария и чернокожий монарх из детских сновидений.

В просторной сакристии и над комодами висели картины с нежным колоритом. На одной изображен фламандский интерьер с восхитительным светом, как у Вермеера. В клуатре, где пожухла трава, солнце все золотило. Ажурные плетения аркады рисовали свои формы на выжженной земле.

На улице сильно пахло хлебом. Девочки шли, перешептываясь. Река отображала мост. Качались тополя.

III Гора

Когда мы прошли по переулкам с причудливыми изгибами, с домами, увязшими в бурой земле, из которой исходил запах коровника, нашему взору открылся скрытый уголок с запертой церковью, полной торжественной тишины. Чтобы вернуться на главную площадь, мы пересекли узкую мрачную улицу, с домом, надпись на котором гласила: «Здесь родился божественный Вальес». Одна женщина на улице, одетая в черное, с большими глупыми василькового цвета глазами сказала пискливым голосом, словно желая пояснить: «Да, да, божественный Вальес, божественный Вальес, врач Филиппа Второго». Мы поблагодарили женщину, и, перейдя площадь, вернулись на постоянный двор...

Нужно было вновь сесть в экипаж, чтобы добраться до Силоса. У выезда из городка начался большой склон, по которому нам нужно было подниматься. В синем лунном серебре реки отображались деревья, погружавшие темную листву в таинственную бездну вод. Небо беспрестанно расцветало белыми облаками, оттеняющими мелодию солнца... Экипаж устало карабкался вверх... Извозчик даже не подгонял лошадей. Солнце разливало свое огненное естество.

Красные крыши Коваррубиаса терялись в прекрасной гармонии пейзажа, траурная башня доньи Урраки гляделась в реку. По берегам бегали влажные тени...

Вскоре мы оказались среди гор. Вершины сражались друг с другом, чтобы подняться выше, одни были дикие, заросшие тимьяном и дубами, другие, те, что повыше, серые, бледные, лиловые, и местами своим темно-фиолетовым цветом касались неба.

Экипаж медленно двигался вперед по дороге, подобной огромному кольцу, обнимающему утробы гор. Пейзаж сиял мутным и темным тоном. В окружающем пространстве обитало торжественное и дикое одиночество. Тут были гигантские обрывы с рыжеватыми камнями. У них были нечеловеческие лапы, покрытые бархатом пыльного мха. Над пропастью корчилились, словно в каком-то варварском танце, деревья.

Драматичным гулом звенел горный ветер... Ветер сильный, насыщенный восхитительными ароматами. Ветер приятный и нежный, по-библейски торжественный. Ветер легенд о призраках и сказок о волках. Ветер с душой вечной зимы, привыкший к лаю собак и камням, скатывающимся вниз в таинстве ночи... Ветер, полный народной поэзии, чьему пугающему очарованию нас учили бабушкины рассказы о волшебстве...

Он хлестал меня по щекам, натирая их снежной свежестью, которую заключал в себе...

По мере того, как мы продвигались, на склонах внизу зарождались огромные потоки дубовых роц, а на крутых откосах – синие завихрения плюща и нежный можжевельник.

Порой среди господствующих пыльных зарослей, возникали чудесные видения средневековых городов с золотистыми стенами, похожих на заколдованные замки из легенд о чародеях, воспоминания о древних восточных сооружениях, темных местах трагедии войны... Дальше у нас на пути возникали новые каменные города, подобные описанному в Рамаяне, с чудесными стенами, из которых выступают вперед гигантские плиты. Над этими стенами были каменные врата, как в гробнице Дария в Накше-Рустаме, полные той же траурной величественности, как и названный монумент. Порой каменные костры скал вырисовывались как величественные лестницы имперской пышности, рождающиеся из пропасти, чтобы увести в неведомое и невозможное. Дорога распутывала свою ясную ленту. Повсюду был серый цвет, даже самых редких оттенков. В некоторых глубоких оврагах колыхалось море зелени.

В долинах, которые мы пересекали, сияли колосья пшеницы, полные солнца. Мелькали городки невероятных цветов, со стройными романтическими колокольнями, с красными крышами и темно-серыми домами... В небольшой низине один из этих городков, полный изящества, расплывался по склону в нежной, наивной улыбке. Большие ореховые деревья, крепкие,

столетние, рифмовали свой бронзовый цвет с красным цветом земли. Чуть далее были бедные насаждения и широкие багровые впадины. Казалось, что это копия детского рисунка. Другие города рождались из летней зелени, показывая башни с колоколами, напоминающие перекосившиеся распятия.

Кипарисы и другие деревья казались готическими башенками, растушеванными в мягких тонах.

Снова мы ехали среди гор. Из гигантских трещин рождались зеленые каперсы, подобные оледенелым водопадам над камнями. Иногда на земле или на поверхностях скал были написаны буквы. В карьерах были высечены лица и какие-то сцены. Округлые каменные глыбы над откосами стремились скатиться в тихий фиолетовый цвет глубин. В разросшихся рощах дрека обустроили темные жилища ящерицы. В забвении некоторых уголков из своих гнезд показывали уста змеи.

Под божественным покоем неба дорога кружилась под звон бубенчиков, пугавший перепелов, бездумно взлетающих от страха, сгонявший огромных жаб, размышлявших в зелени тропинок.

С самых высоких вершин спускались в бездну молчаливые процессии сосен, с их лиловыми телами, с верхушками, какие бывают в сумеречных грезах. Из почв пробивались плоские гладкие камни, словно черепа погребенных гигантов. На склонах изобиловали лирические родники желтых цветов, переливающихся целомудренных роз и других пенящихся диких растений...

И еще были дубы, и еще можжевельник, и еще сосны, и еще ветер, сильный и ласковый.

Высокие тополя с бубенцами, которые воспел Гонгора, приятно шелестели в рваном ритме. После столь разных картин внутреннего молчания перед моим взором предстал древний монастырь. Над крепостью деревни возвышалась колокольня, которая со стороны дороги казалось каким-то каменным стражем, или же большим кубком с елеем, наподобие тех, что вложил в руки своих Магдалин гениальный Леонардо да Винчи.

Деревня располагалась в отлогой низине. Грозные горы хотели обрушиться на нее.

IV Монастырь

Зубчатые стены заключали в себе всю деревню. Внутри был монастырь.

Портал скверный, непропорциональный. На наш призыв вышел неопрятный и одетый в лохмотья прислужник и открыл дверь. Вид у него был женственный. Мы вошли в большой, пустой, освященный золотистым светом двор, весь каменный, полный ошеломительной художественной холодности. Хотя хотелось, войдя в монастырь, сразу попасть в романский клуатр, составляющий его славу. Впечатление было неприятным. Наконец, нас расселили...

В белой келье было темно, в ней было распятие в стиле модерн и деревянный стол, испачканный чернилами. В углу кровать скрывала за занавесками свою белизну. Через приоткрытое окно заглядывал будоражащий память фантастический горный ветер... Время от времени в тишине слышалось быстрое шуршание грубых тканей монашеских одеяний, проносящихся по галерее. Уже вечерело. Монастырский колокол начал перекликаться своей бронзой с далекими звуками гор. Две огромные псины из первого двора приготовились к полному вою... За дверью кельи просматривалась галерея, в которой ритмично танцевали тени. Я вышел на серую каменную лестницу, на которой торжествовали, благодаря огромным размерам, печальные фигуры святых братьев, в черных одеяниях, с золочеными посохами, нелепыми нимбами, за которыми свято пылали безутешные красные огни. Каменные глубины пугали. Было слышно глухое колыханье тканей, звон четок, таинственные перешептывания, хроматическая гамма шагов, которые заглушались в бархате ковров, и громкое безмолвие, звучавшее в нежности беспокойства. Свет убегал через окна, разбрасывая каскады теней по коридорам и комнатам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.